

БУДЬТЕ КАК ДЕТИ. ТЕОФАНИЯ ДЕТСТВА. ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ.
М.: НИКЕЯ, 2019. 304 с. ISBN 978-5-91761-978-1; 550.00 RUB *

DOI: 10.29357/2521-179X.2020.24.15

В 2020 году вдруг оказалось, что миропорядок невероятно хрупок. «Привычная жизнь стала рушиться, как костяшки домино», – как точно охарактеризовала нынешнюю ситуацию О.А.Седакова. Ничто больше не воспринимается прочным и незыблемым. Наблюдается беспрецедентное нарушение сложившегося ритма и уклада жизни. Единственные, кого менее всего затрагивает этот мировой коллапс – дети. И глядя на эту неожиданно открывшуюся внутреннюю неуязвимость самых, казалось бы, уязвимых хочется вновь и вновь и перечитывать книгу известного православного священника и богослова Владимира Зелинского «Будьте как дети. Теофания детства». О. Владимир является настоятелем основанного им православного прихода «Всех скорбящих радость» в г. Брешия (Ломбардия) – уже сама эта краткая биографическая справка сегодня обретает символический смысл. Владимир Зелинский хорошо известен своими религиозно-философскими, богословскими, культурологическими публикациями (книги «Открытие слова» (М., 1993), «Объятия Отца... Очерки по истории Почаевской Лавры» (1987), «Afin que le monde stoie...(Дабы уверовал мир)» (Париж, 1989), «Взыскуя Лица твоего» (К., 2007), «Наречение имени» (К., 2008), «Mistero. Cuore. Speranza» (Милан, 2010), «Священное ремесло. Философские портреты» (СПб., 2017). Известны его философско-богословские переводы с английского, немецкого, французского (М. Хайдеггер, О. Клеман, А. де Любак, Т. Шпидлик и др.)

После этой солидной интродукции читатель вправе ожидать серьезного «ученого» погружения в проблематику детства, проблематику, которая заняла свою устойчивую теоретическую нишу в междисциплинарном пространстве гуманитаристики, где сформировалось особое направление «childhood studies» и вариативные «дискурсы детства». Как нам представляется, книга, обращенная к самому широкому кругу читателей, парадоксальна в том смысле, что она одновременно и оправдывает эти ожидания, и их опровергает. Стоит только еще раз внимательно вчитаться в как будто двоящееся, мерцающее название – «Будьте как дети» (призыв абсолютно ко всем) и «Теофания детства» (диалог с изощренным в богословской терминологии собеседником). Сам Владимир Зелинский вполне осознанно отказывается от академического формата разговора о детстве. Траектория движения к этой книге у самого автора как будто символически повторяет траекторию его собственной судьбы-биографии. Сотрудник Института философии АН СССР (1970-1981), специалист по современной западной мысли,

* Статья поступила в редакцию 03.04.2020; утверждена в печать 17.04.2020.

подготовивший диссертацию о философии искусства М. Хайдеггера после религиозного обращения и крещения в Русской Православной церкви отказывается от светской научной карьеры, он ищет другие истоки истины о человеке и мире. А вот зачин книги о детстве: «Исток этой работы – несколько слов Иисуса о детях. Они просты и всем известны, но обладают такой мощью, плотностью и неисчерпаемостью смысла, что остаются для нас загадкой. Не притязая разгадать ее до конца, автор предлагает здесь ряд коротких размышлений, надеясь, что они смогут послужить *«тусклым стеклом»* (курсив – ВЗ) для тайны, которая светит в словах “малых сих”» (6). Итак, шифр прочтения «Теофании детства», а, возможно, и творчества самого Владимира Зелинского, – простота, непритязательность, плотность и неисчерпаемость смысла. О. Владимир в разговоре с нами о книге подчеркнул, что целью ее было «выразить самое изначальное, доразумное восприятие мира, на котором еще можно видеть следы творения», добавив при этом, что текст «грешит ученостью и цитатностью», которой он старался избежать. В этой двойной оптике, в напряжении между «ученостью» и «простотой», предлагаем прочесть эту завораживающую книгу.

Несколько слов о ее структуре и архитектонике. Книга представляет собой несколько эссе, раскрывающие разные грани темы: «Народ-ребенок или Евангелие от «малых сих», «Мысль как любовь», «Церковь, *возраста Христова*», «Слово, играющее на свирели, или радость как родина», «Простота, сиротство, святость», «У водоразделов мысли», «Новая тварь», «Изумление, искусство, эхо», «Детство как теофания. Цивилизация ребенка». Читателя, наверняка, удивит минимум присутствия «детских» маркеров в названии глав. Наверное, в этом также нет случайности. В подобной архитектонике, детство, вернее «дитя», это не столько тема, сколько модус текста, способ его выговаривания («игры на свирели»), смысловое ядро, магический кристалл, позволяющий преобразить и увидеть в ином свете многие темы.

Автор задаётся вопросом: что означает этот евангельский завет «будьте как дети»? «Означает ли это: повинуйтесь доброй морали, станьте послушными, смиренными как овечки, кроткими как крольчатки, а иначе, мол, пеняйте на себя?.. Но, отцы и учителя, у детей вовсе нет таких благословенных качеств!» (75) Для о. Владимира призыв уподобиться ребёнку важно не редуцировать до этического самосовершенствования и достижения ряда качеств. Стать как дитя означает, прежде всего, особого рода первичную интенциональность состояния «невинности», утраченную человеком после грехопадения: «Удивлённая открытость к восприятию твари и через неё Лица Отца» (80). И здесь в богословии детства о. Владимира Зелинского появляется одно из ключевых для него понятий – общение, которое рассматривается с разных своих ракурсов: как вера, богопознание, любовь, доверие и т.д. Общение – одно из фундаментальных понятий современной христианской мысли разных конфессий, выходящее далеко за пределы семантики и идеи простого сообщения значения. Актуализацию этого понятия связывают как с влиянием современной философской критики «нечувствительности классической философии к фигуре Другого и её сосредоточенности на одиноком и

автономном сознании»¹, так и собственно и с богословскими предпосылками. Например, с связывают с лютеранской теологией, и с католической экклезиологией общения Второго Ватиканского собора², которая, однако, формировалась под значительным влиянием евхаристической экклезиологии о. Николая Афанасьева³. Однако очевидно, что богословие общения укоренено в гораздо более раннюю богословскую традицию, в частности каппадокийцев и т.д.

Коммуникабельность – это фундаментальная характеристика бытия, на идеи которой построено всё православное богословие, от экклезиологии и антропологии до литургики. Тварный мир – это «тварный мир вдруг открывается как невероятно сложная и гармоничная симфония общения сотворенных существ, причем не только разумных», – заметил О. Владимир⁴. В чём состояло грехопадение человека? В повреждении коммуникативной ткани бытия и выпадении из неё. До грехопадения отношения Бога и человека были подобны отношению Матери и ребёнка: «Забудет ли женщина грудное дитя свое <...>», – приводит библейский стих (Ис. 49: 15) о характере этой коммуникации автор. Когда-то, созвучно мысли Владимира Зелинского, о. Георгий Флоровский назвал грехопадение грехом аутоэротизма: «Если, однако, этот выбор все же был, то это не был выбор между добром и злом, но выбор лишь между Богом и собой <...> Здесь есть нечто более глубокое, чем хищное прилипание к миру. Это была, скорее, трагедия заблудившейся любви. Согласно св. Афанасию, человеческое падение состоит в том, что человек ограничивает себя собой, что человек как бы впадает в любовь к самому себе. И через такое сосредоточение на себе человек отделяет себя от Бога и разрывает духовную и свободную связь с Богом. Это было своего рода безумием, эротической одержимостью собой, духовным нарциссизмом»⁵. «Нет места *для* Бога в том, кто полон собой»⁶, – находим мы у М. Бубера, на которого нередко ссылается в своей книге автор. Ребёнку чужда эта самозачарованность, считает О. Владимир. И в этом смысле ребёнок гораздо целостнее взрослого, потому как взрослая самозацикленность препятствует полноценно участвовать в этой онтологической *κοινωνία*. «Суть детства – в обретении слова общения, в причастности тому, что звучит из всего сотворённого», – пишет о. Владимир (172). Жизнь-в-присутствии, жизнь-в-изумлении... Взрослый перестаёт слышать, как «вещи поют» (Р.М. Рильке), а за этим и Голос их Творца.

¹ Филоненко А.С. Присутствие Другого и благодарность: контуры евхаристической антропологии. – Х.: Издатель Александр Савчук, 2018. – С. 75.

² Бортник С.М. Общение и личность. Богословие митрополита Иоанна Зизиулуса в систематическом рассмотрении. К.: Издательский отдел УПЦ, 2017. – С. 35.

³ Бортник С.М. Общение и личность. Богословие митрополита Иоанна Зизиулуса в систематическом рассмотрении. К.: Издательский отдел УПЦ, 2017. – С. 61.

⁴ Зелинский В., Голубицкая А. «Что такое “богословие общения” и что за потребность вызвала его к жизни?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bogoslov.ru/article/4299598>

⁵ Флоровский Г.В. Ночная тьма/ Г.В. Флоровский //Флоровский Г.В. Избранные богословские статьи. – М.: «Пробел», 2000. – С.202.

⁶ Бубер М. Десять ступеней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://jhistory.nfurman.com/zion/buber_09.htm

Сама «удивлённая открытость твари» ребёнка предполагает особое качество процесса познания — дитя не объективирует вещи в познании, в отличие от взрослого познающего субъекта. «Познаваемое запечатлевается в нашем разуме и «окостневает» в нём. Такой «твёрдой», чужой, окостеневшей вещью становится для нас каждый ближний, и в конечном итоге — мы сами. Но познание в младенчестве — до всякой косности — есть приобщение к Премудрости бытия, соприкосновение с разумом того, что сотворено» (137).

Как часто вера обращается в магизм, в попытку «присвоения», «приручения» Бога, превращение Его в предсказуемого и удобного «бога-гаранта», «бога порядка и богатства», «бога обрядов», «бога из машины», что выражается в искажении Его Образов в различных ложных представлениях. В каком-то смысле это попытка превращения Бога в Оно, управляемую «вещь среди вещей», вместо попытки полноценного диалога с Ним как с Ты: «начинается мир, после Бубера называемый «оно», имеющий терпкий вкус отравленного, но столь хорошего на вид яблока. И сам Бог становится понятием-яблоком, приспособленным к законам этого мира» (99). Когда о. Владимир пишет о необходимости обретения «детской» веры, он имеет в виду именно возврат к тождеству «веры» и «встречи», «веры и «общения» (Г. Флоровский), которое мы находим в богословии общения и философии диалога.

Ещё один важный момент, который отмечает о. Владимир Зелинский в своей книге — это «детская» воля. Как понималась зачастую «добрая» воля в святоотеческой традиции? Свобода выбора, *libertas minor* бл. Августина и «гномическая воля» Максима Исповедника (θέλημα γνομικόν), — это свобода искаженная, сниженная и обедненная, свобода, как она существует после грехопадения. Все это полярно сущности изначальной свободы невинных творений. Подлинно свободная добрая воля состояния «невинности» не связана со свободой в псевдо-кьеркегоровской ситуации экзистенциальной драмы выбора «или-или». Настоящая свобода воли заключается не в постоянном, закономерном выборе добра, но в невозможности выбора зла в принципе (135). И здесь о. Владимир вспоминает слова свят. Иоанна Златоуста: «Чтобы мы в свободной воле делали то, что дети делали по природе» (74). Для взрослого этот выбор требует «напряжения всех сил» (141) — для ребёнка он органичен.

Еще одна грань богословия детства о. Владимира — это рассмотрение специфической детской темпоральности. Темпоральность ребёнка лишена всякой «аккумуляции, консистентности» опытов (позаимствуем понятие из гештальт-теории Ж.М. Робина): здесь нет наслоения опытов детства, юности, молодости, зрелости, старости, от которых человек на закате жизни не может абстрагироваться. Детство — это чистый опыт новизны, недетерминированность собственным прошлым, предельная погружённость в ситуацию здесь-и-сейчас, жизнь как надежда. «Надежда противоположна привычке как форме отчания»⁷. Так, надежда становится залогом детской радости как «изначального и естественного состояния человека» (103).

⁷ Филоненко А.С. Присутствие Другого и благодарность: контуры евхаристической антропологии. — Х.: Издатель Александр Савчук, 2018. — С. 95

Невозможно не отметить язык, словесную форму, в которую облакает своё богословие детства Владимир Зелинский. Его язык предельно поэтичен — здесь нет дидатики и назидательности, как, впрочем, и в других работах автора: «Моя задача иная <...> — не наставлять другого в правильном учении, а пригласить его разделить свое осмысление или переживание таинства веры <...> Поэтому если уж говорить о «моем богословии», мне хотелось бы называть его поэтическим, потому что оно хочет передать себя языком символов, а не установленных понятий, хотя не знаю, достойно ли оно такого определения и назовут ли его так другие»⁸. Нам представляется, что такой язык абсолютно органичен богословию детства. Ведь именно язык поэзии — первый язык, с которым знакомится ребёнок. Как и язык музыки. Поэзия и музыка родственны: им присущи звучность, интонация, ритм. Известный православный богослов Джон Пантелеймон Манусакис отмечает, что музыка стремится преодолеть концептуальную, словесную предельность языка и потому может быть названа иконическим языком. Музыка может называть и хвалить Бога, не пытаясь его вместить в тесные границы искусственных человеческих концептов. Невысказываемым знанием живёт и поэзия, как отмечает о. Владимир Зелинский (243). Поэтический язык — это язык изумления. Что может быть вернее, чем попытка говорить о жизни в изумлении языком самого изумления?!

В заключении вернемся к главной контроверзе книги — между простотой, до-разумностью, несказанностью и ученым философско-богословским дискурсом о детстве, между «будьте как дети» и «теофанией детства». Для нас нет сомнения в том, что «плотность смысла», явленная в этом тексте, позволяет прочесть его и вступить в общение в двух модусах, что значительно расширяет круг заинтересованных читателей. И речь может идти не только о расширении круга посвященных в теофанию детства, т.е. о горизонтальном измерении пространства текста. Вертикальная траектория также может быть выстроена по-разному: или от изначальной простоты, к которой призывает автор, к рефлексивности, уже выходящей за «ограду» представляемой книги; или, наоборот, это тот путь, который проделал сам автор — путь возвращения от «учености» к изначальной простоте, к слову, «играющему на свирели». Тут мы вступаем в спор с Владимиром Зелинским, четко обозначившим свои приоритеты: каждый из этих путей может быть «царским».

*Голубович Инна
Одесский национальный университета имени И.И.Мечникова,
Одесса, Украина*

ORCID: 0000-0003-3459-3417

*Голубицкая Анна
Одесский национальный университета имени И.И.Мечникова,
Одесса, Украина*

ORCID: 0000-0002-8262-9050

⁸ Зелинский В., Голубицкая А. «Что такое “богословие общения” и что за потребность вызвала его к жизни?» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bogoslav.ru/article/4299598>